

UvA-DARE (Digital Academic Repository)

Otkaz ot bezlikich slov: slovotvorčestvo Solženicyna

Peeters-Podgaevskaja, A.

Publication date

2012

Document Version

Final published version

Published in

Between West and East: Festschrift for Wim Honselaar on the occasion of his 65th birthday

[Link to publication](#)

Citation for published version (APA):

Peeters-Podgaevskaja, A. (2012). Otkaz ot bezlikich slov: slovotvorčestvo Solženicyna. In R. Genis, E. de Haard, J. Kalsbeek, E. Keizer, & J. Stelleman (Eds.), *Between West and East: Festschrift for Wim Honselaar on the occasion of his 65th birthday* (pp. 491-517). (Pegasus Oost-Europese studies; No. 20). Pegasus.

General rights

It is not permitted to download or to forward/distribute the text or part of it without the consent of the author(s) and/or copyright holder(s), other than for strictly personal, individual use, unless the work is under an open content license (like Creative Commons).

Disclaimer/Complaints regulations

If you believe that digital publication of certain material infringes any of your rights or (privacy) interests, please let the Library know, stating your reasons. In case of a legitimate complaint, the Library will make the material inaccessible and/or remove it from the website. Please Ask the Library: <https://uba.uva.nl/en/contact>, or a letter to: Library of the University of Amsterdam, Secretariat, Singel 425, 1012 WP Amsterdam, The Netherlands. You will be contacted as soon as possible.

ОТКАЗ ОТ БЕЗЛИКИХ СЛОВ: СЛОВОТВОРЧЕСТВО СОЛЖЕНИЦЫНА

Алла Пеетерс-Подгаевская

1 Словообразование как деятельность

По мнению Земской, словообразование – один из важнейших действующих механизмов языка, и его деятельный характер проявляется в постоянном пополнении языка огромным количеством новых слов самого разнообразного строения и семантики, отвечающих всем потребностям общения (Земская 2009: 5). Если взглянуть на историю развития словарного состава русского языка за последние триста лет, то мы увидим, насколько активно проходил этот процесс, подстегиваемый, с одной стороны, строительством нового социума и расширением понятийного аппарата, ведущего к созданию новых номинаций, а с другой – утверждением литературного языка и формированием общественной базы носителей литературной нормы (см. подробнее об этом в Подгаевская 2008: 57-66; Comrie et al. 1996: 185-230).

Словообразование как деятельность реализуется через говорящего, у которого всегда имеется некая установка либо на создание нового необходимого наименования, либо на придание форме выражения большей экспрессии, либо на согласование способа выражения с определенной сферой речи или областью общения (Земская 2009: 8). За каждым новым словом стоит его создатель, языковая личность, которая, опираясь на систему языка и используя свою языковую компетенцию, строит слова и тексты.

Новые слова не проходят незамеченными, но не каждое слово остается. Предпосылками закрепления лексических новообразований в языке являются, с одной стороны, соблюдение в широком плане действующих законов и тенденций, ориентация на существующие схемы и модели, а с другой – коммуникативная целесообразность. Только речевые единицы, выполняющие общественно необходимые номинативные функции, принимаются

языковым коллективом, а затем и словообразовательной нормой (Миськевич 1977: 60-61).

Все новые слова можно подразделить на неологизмы, получившие статус общественно узаконенных номинаций; потенциальные слова, которые совершенно свободно образуются на основе продуктивных моделей, каждый раз порождаясь, когда возникает потребность в наименовании понятия, не имеющего закрепившейся в традиции номинации; и окказиональные слова, являющиеся как индивидуальные авторские образования частью конкретного текста (см. Миськевич 1977: 42).

В данной статье мы обратимся к проблеме потенциальных и окказиональных слов, которые, вслед за Земской (2009: 180), мы относим к разряду неузальных номинаций.

2 Неузальные слова

Неузальные слова характеризуют совершенно особый аспект языка – творческий, эстетический, индивидуальный. Они показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции. И если слова потенциальные заполняют пустые клетки словообразовательных парадигм, то окказионализмы ориентированы на индивидуальную творческую компетенцию говорящего. Трудно, однако, согласиться с тем, что они являются как бы нарушителями общих законов словообразования (см. Земская 2009: 180), поскольку все они создаются по существующим словообразовательным моделям, следуя законам аналогии. Ведь без аналогического сопоставления, аналогического фона, опоры на существующее ни потенциальные слова, ни окказиональные не могут быть поняты адресатом, и цель говорящего окажется недостигнутой.

Всем неузальным словам, таким образом, присущи: принадлежность к речи (а не к языку); ненормативность; словообразовательная производность; творимость (а не воспроизводимость); функциональная одноразовость; индивидуальность; экспрессивность (Миськевич 1977: 64-71). В непосредственном речевом восприятии все эти признаки сфокусированы в одном – в создании эффекта окказиональности, реализуемого благодаря столкновению

между тем, что могло бы быть в языке в соответствии с его системой, и тем, чего реально нет в общем пользовании языкового коллектива (Миськевич 1977: 70).

Некоторые разновидности речи (например, деловая или отчасти научная) не терпят неузуальных словообразований, тяготея к стандартности. Другие же, такие как газетная, разговорно-бытовая и особенно художественная речь, наоборот, стремятся к индивидуализации и экспрессии языковых форм выражения.

Включение в письменный текст неузуальных слов, однако, не является чем-то самым собой разумеющимся. Так, например, в художественных произведениях XIX века лишь изредка встречаются авторские неологизмы, что было связано, по всей видимости, с общими словообразовательными процессами в языке и представлениями того времени о границах допустимого в литературной норме. В конце же XIX – начале XX века ситуация меняется, и индивидуальные новообразования активно проникают в поэтические тексты, что объяснялось установками тогдашней поэзии и поэтической эстетики (см. Якобсон 1987: 272-316).

В прозаических же текстах на протяжении всего XX века, несмотря на мощный поток неологизмов, отражающих новые явления жизни и быстро вошедших в обиход, собственно окказионализмы редки. И даже такие новаторы слова, как Андрей Белый и Андрей Платонов, достаточно осторожно пользуются возможностями индивидуального словообразования. Для публицистики и языка газет раскрепощенность в использовании окказионализмов наступает только в конце XX века (Земская 2000: 128).

В этой связи особое место занимает творчество А.И. Солженицына, насыщенное неузуальной лексикой. Несмотря на это, однако, его произведения не используются в качестве иллюстративного материала в работах по словопроизводству.¹ Практически нет и серьезных исследований, посвященных детальному анализу словотворчества крупнейшего прозаика XX века, хотя в его словообразовательных опытах прослеживается много интересных общеязыковых тенденций. Те же работы, что есть, к сожалению, или ограничиваются общими замечаниями по поводу “необычной” лексики писателя

(Винокур 1965; Carrovich 1976; Семенова 1996; Спиваковский 1998), или обращаются к специфичному и мало репрезентативному материалу (Горова 2009).²

Именно поэтому целью данной статьи является анализ некоторых общих словотворческих механизмов, которые использует автор в своей работе над словом и текстом.

3 В поисках “живого” слова

Первое, что бросается в глаза не носителю русского языка при знакомстве с любым произведением Солженицына – это наличие большого количества “странных” слов, затрудняющих понимание содержания и даже отвращающих читателя или переводчика от текста (см. Carrovich 1976: 5; Спиваковский 1998: 81). Напротив, тот, для кого русский язык является родным, находит эти слова в большинстве случаев естественными и органичными.

Свою склонность к неузואальным словоупотреблениям писатель объяснял желанием “реанимировать” письменную речь, придать ей свежесть и энергичную образность, вернуть ей “русскость”. По его мнению, русский язык значительно пострадал “еще с петровских времен то от насильственной властной ломки, то под перьями образованного сословия, думавшего по-французски, то от резвости переводчика, то от торопливости пишущих, знающих цену мысли и времени, но не слову” (Солженицын 1965). При этом не пощадили ни словарного запаса, ни грамматического строя, ни, самое главное, склада, т.е. синтаксического своеобразия построения русской фразы.³

Не останавливаясь подробно на всех приемах обогащения лексических средств в его произведениях, отметим, что “иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему” Солженицын хотел восполнить, с одной стороны, творческой переработкой словаря Даля, результатом чего впоследствии явился его *Русский словарь языкового расширения* (Солженицын 2007). Включая в свои произведения десятки вышедших из употребления слов, писатель пытался вернуть из словарного архива то, что, по его мнению, выгодно выделяется трудно определимой, но отчетливой новизной своего внутреннего смыслового и экспрессивно-звукового облика. Не всегда,

однако, солженицынские “архивные разыскания” оправданы или убедительны. Так, вряд ли удачны позаимствованные у Даля *обопнуться* ‘упорствовать, упираться’ или *толпошиться* ‘толочья’ (см. далее разбор конкретных примеров в Ржевский 1969: 77-80; Сагрович 1976: 4; Семенова 1996: 22-23).

С другой стороны, писатель стремился оживить русскую письменную речь, придав ей экспрессию и разговорную непосредственность, использованием просторечных и диалектных слов, включением слов и оборотов тюремного и лагерного жаргона, которые он употреблял исключительно тактично, с чувством соразмерности и сообразности (см. Винокур 1965: 24-27; Семенова 1996: 24).

Однако наиболее интересен для нас третий путь, который избирает писатель в своей борьбе с замутненным языковым сознанием, с безликим новоязом, по словам Чалмаева (1994: 232), – путь индивидуального словотворчества, путь не столько языкового расширения, сколько языкового сгущения. Благодаря естественному совпадению со структурными и выразительными свойствами народной речи, лежащей в основе солженицынской стилистики, авторские новообразования не воспринимаются как нечто инородное в общем потоке тонко дифференцированных лексических средств. Именно благодаря этому читателю на первый взгляд так сложно определить, что “придумал” автор, а что взял и воспроизвел.

4 Словотворчество у Солженицына

Неузуальные слова Солженицына относятся к самым разным частям речи (см. словарь трудных слов Солженицына в Сагрович (1976)), среди которых глагольное словообразование выделяется своим богатством и разнообразием. Не имея возможности в рамках данной статьи рассмотреть весь массив новообразований писателя, мы остановимся в нашем разборе именно на этом аспекте его словотворчества.⁴

Интересно, что солженицынские словообразовательные “склонности” находятся в резком контрасте с общеязыковыми тенденциями. Так, по данным *Банка русских неологизмов*, производство новых глаголов составляет лишь девять процентов от общего количества новообразований (Земская 2000: 126),

а у Солженицына оно оказывается чуть ли не самым важным. Кроме того, если для общих деривационных процессов характерно активное использование иноязычных корней, то установка автора – на оживление лексического потенциала именно русского языка (Солженицын 2007: 3-4).

Если взглянуть на все глагольные новообразования, то мы увидим как бы два ведущих механизма в создании новых слов.⁵ Один служит для восполнения видо-временной или, шире, аспектуальной парности с опорой на уже существующий в языке глагол. Другой механизм направлен на создание неологизмов, содержащих новые смыслы, на основе неожиданного, нетривиального сочетания различных глагольных корней и приставок.⁶

4.1 Создание видовой парности

Проблему восполнения отсутствующей в словоупотреблении видовой пары Солженицын решает двумя способами. Во-первых, он прибегает к возможностям вторичной имперфективации, важнейшему резерву видообразования в русском языке, что обусловлено потребностью писателя, отталкиваясь от исходного префиксального перфектива, выразить длительное или многократное действие (Ремчукова 2004: 84-85). Например:

- (1) О семье он мог говорить и спокойно, и шутливо, о Сталине же – никогда, голос его **задрагивал**. (*Раковый корпус*)
- (2) Не то чтоб он находил удовольствие давить и слушать, как **похрущивают**, а пусть не врут, пусть правду думают. (*Раковый корпус*)

Как известно, в русском литературном языке глагол совершенного вида *задрожать*, образованный от бесприставочного имперфектива *дрожать*, передает с помощью приставки *за-* начинательность действия, а глагол *похрущеть*, произведенный от *хрустеть*, – ограничительность и слабую интенсивность действия, заключенные в приставке *по-*. Однако Солженицыну, при сохранении этих смыслов, важно подчеркнуть еще и обыденность и повторяемость действий, переданных приставочными перфективами, что и достигается путем вторичной имперфективации (с помощью суффикса *-ива-*). Таким

образом, *задрагивать* можно интерпретировать как ‘всякий раз начинать дрожать’, а *похрущивать* – как ‘время от времени слабо хрустеть’. Компактность формы, стуженность смыслов и экспрессивность здесь очевидны.

Иногда для подчеркивания просторечности стиля автор использует морфонологические чередования, характерные для разговорного языка, но в данном случае неоправданные:

- (3) Сенька Шухову шлакоблоки **подсавывает**, раствор Кильдигсов сюда в корытце перевалили. (*Один день*)⁷

Как известно, вторичным имперфективам с суффиксом *-ива-* присуща вариативность корневой морфемы: {о} в безударной позиции переходит в {а} под ударением. Эта общеязыковая тенденция нарушается лишь в том случае, когда {о} сохраняет ударение и во вторичном имперфективе (см. Земская 2000: 339-341). Именно к этой группе и относится глагол *подсовывать*. Солженицын же пытается здесь следовать распространенной разговорной тенденции, нарушая морфонологические закономерности и создавая тем самым окказионализм.

Заметим, что с той же целью “опросторечивания” автор нередко заменяет литературные формы на *-ива-* просторечными с суффиксом *-а-*. Ср.:

- (4) ... у пацана карандаш **одождал** записывать рецепт. (*Раковый корпус*),

где вместо литературного *одалживать* автор употребляет просторечное *одолжать*.

Вторичная имперфективация – излюбленный словообразовательный прием писателя (Ремчукова 2004: 85). Проза Солженицына насыщена вторичными имперфективами (в проанализированных текстах отмечен 21 случай подобного словопроизводства), которые легко образуются не только от глаголов совершенного вида, исключаящих в норме дальнейшее видообразование (например, *растарываться* ‘очень стараться’, *побалтываться* ‘время от времени болтаться’), но и от перфективов, которых в языке просто не существует (*оттрагивать* ‘отходить назад’, *переталкиваться* ‘толкаться из одной стороны в другую’). Роль вторичной имперфективации двойка. С од-

ной стороны, она создает эффект узнавания: новообразование воспринимается как глагол, уже закрепившийся в узусе и обретший свою историю (Кронгауз 1998: 22). С другой стороны, вторичная имперфективация помогает совместить в одном акте номинации и определенный способ действия, выраженный перфективом, и идею повторяемости, незавершенности, обыденности, заключенную в имперфективе.

Однако в работе над словом и текстом писателю, хотя и гораздо реже, бывает необходимо подчеркнуть как раз результативность действия. Поэтому, во-вторых, путем суффиксальной перфективации от канонических глаголов несовершенного вида он образует неузуальные глаголы совершенного вида. Например, перфектив *изгалиться* в 5, произведенный от узуального *изгальяться* ‘злбно издеваться’ с помощью суффикса *-и-*, нужен автору, чтобы подчеркнуть актуальность момента повествования, а также результативность действия, его неизбежность:⁸

- (5) Беда теперь будет, если 104-я уже прошла, – Хромой весь лагерь знает в лицо и при заве ни за что с чужой бригадой не пустит, нарочно **изгалится**. (*Один день*)

Наряду с чисто видовыми противопоставлениями у Солженицына встречаются окказиональные глаголы, противопоставленные узуальным имперфективам по признаку многоактности и одноактности, что достигается прежде всего при помощи суффикса “мгновенного действия” *-ну-*:

- (6) – Не боись, – **бормотнул** он. (*Раковый корпус*)
- (7) На мгновение **болтнулся** проводок к миру внешнему – и оборвался. (*Раковый корпус*)

Так, в русском языке глаголы несовершенного вида *бормотать* и *болтаться* обозначают повторяющиеся действия, состоящие из отдельных “квантов”, которые, сливаясь в непосредственном восприятии наблюдателя, формируют некий процесс (ср. Шатуновский 2009: 121). Именно эта “квантовость” дает возможность Солженицыну выделить отдельный дискретный момент и сфо-

кусировать на нем внимание читателя, хотя в узусе, несмотря на сходные по смыслу одноактные *шепнуть* или *качнуться*, данные глаголы не ассоциируются с “мгновенным действием”.

В некоторых случаях автор допускает мену корней:

- (8) Но зоев стол был близко, она слышала и **прискочила**. (*Раховый корпус*),⁹

где вместо обычного *при-скакать* он использует корень *соч-*, подчеркивая тем самым одноактность движения, состоящего как бы из одного скачка.

Как видим, при создании глагольных окказионализмов писатель обращается к наиболее базовым противопоставлениям значений, с одной стороны, завершенности vs. незавершенности, многократности, а с другой – одноактности vs. многоактности. Таким образом, любое действие у Солженицына может сгуститься до одного дискретного момента, отразиться в нем во всей своей полноте, а может растянуться, образуя череду нанизанных друг на друга одинаковых актов-“квантов”.

4.2 Создание новых смыслов

Создание новых значений глаголов достигается у писателя прежде всего помещением общеизвестных слов в новый неожиданный контекст и благодаря этому обнаружением у их составных частей (приставок и основ) новых смыслов, потенциально заложенных в них, но не актуализированных:

- (9) Шухов положил на колени рукавицы, расстегнулся, намордник свой дорожный, оледеневший развязал с шеи, **сломил** несколько раз и в карман спрятал. (*Один день*)
- (10) Так он **усиделся** в своей прогретой окаменелости, такая ему была неохота двигаться, подниматься, как на ненавистную работу!
(*Раховый корпус*)

Как *сломить*, так и *усидеть(ся)* известны носителю русского языка, например, в *сломить сопротивление противника, усидеться на одном месте* и т.д.

Здесь же, в новом контексте, в сочетании с нетривиальными актантами они приобретают несколько иное значение: ‘сложить что-либо, переломив’ и ‘сидя, комфортно устроиться’. Сложное взаимодействие приставки и глагольной основы, переосмысление их под влиянием контекста, актуализация определенной словообразовательной модели путем снятия многозначности приставки и выявление внутренней формы слова – все это помогает читателю не домыслить действие, а как бы увидеть все его нюансы своими глазами.

В других случаях существующие глаголы помещаются в настолько неожиданный, изначально чуждый им контекст, что они полностью теряют свой первоначальный смысл, выхолащиваются, превращаясь, по определению Кронгауза (1998: 28), в глаголы-джокеры с опустошенными основами. Только контекст способен наполнить их смыслом, придать им конкретное содержание. Приведем примеры:

- (11) [...] Шухов вспомнил: сегодня судьба решается – хотят их 104-ю бригаду **фугануть** со строительства мастерских на новый объект «Соцбытгородок». (*Один день*)

Так, глагол *фугануть* обозначает на тюремно-лагерном жаргоне ‘сбить краденое’ (Балдаев и др. 1992: 263), в данном же контексте, благодаря актуализации звукового сходства с просторечным глаголом *шугануть*, он приобретает значение ‘послать кого-либо куда-либо силой, припугнув’.

- (12) Сколько Ефрем этих баб **охобачивал** – представить себе нельзя. Еще вначале вел им счет, женам – особо, потом не утруждался. (*Раковый кортус*)

И в данном примере диалектное *охобачивать* ‘бить гибким кнутом, опоясывать ударом’ ничего не имеет общего с описываемой ситуацией, однако звуковые ассоциации с *похабничать* и общая идея охвата действием, заключенная в приставке *о-*, дают возможность точнее уяснить смысл всего предложения.

Следует, однако, отметить, что использование глаголов-джокеров не характерно для солженицынской работы над словом по той простой причине,

что для него вновь созданное слово должно не намекать на ситуацию, а максимально отражать ее, визуализировать, снимать всякую возможность множественной интерпретации.

Другим распространенным механизмом, встречающимся в словотворчестве Солженицына, является собственно создание новых глаголов с помощью различных приставок.¹⁰ При этом возникшее значение новообразования представляет собой сложное взаимодействие между корнем, приставкой и контекстом, степень влияния каждого из которых на конечный результат бывает подчас сложно определить. Так, с одной стороны, полисемия приставки (а большинство приставок в русском языке многозначны) снимается контекстом, который направляет ход мыслей читателя и сужает набор интерпретаций. С другой стороны, приставка встраивает неологизм в целый ряд ему подобных по структуре узуальных глаголов, вычлняя в них общие свойства, что ведет к переосмыслению глагольной основы и переработке ее смысла в соответствии с данным образцом (Кронгауз 1998: 20). Кроме того, сама основа влияет на выбор приставки, поскольку сущность заключенного в глаголе действия, его природа, могут исключать или допускать целый ряд префиксальных образований. По мнению Кронгауза (1998: 203, 205), в значении глагола присутствуют определенные семантические признаки, обуславливающие его сочетаемость или несочетаемость с приставками.

Если взглянуть на глагольное словотворчество Солженицына, то здесь можно выделить несколько типов отношений между основой и приставкой (ср. Udes 2011: 54): 1) новообразование есть результат соединения (бес)приставочного глагола с приставкой; 2) новообразование есть результат контаминации двух приставочных глаголов, относящихся к разным словообразовательным моделям;¹¹ 3) новообразование есть результат взаимодействия именной основы и приставки; 4) новообразование есть результат взаимодействия опустошенной или вымышленной основы с приставкой и контекстом.

1 Анализируя солженицынские неологизмы, являющиеся результатом соединения (бес)приставочного глагола с приставкой, можно выделить четыре способа их взаимодействия:

а) бесприставочный глагол сохраняет свою первоначальную семантику, а приставка придает новый оттенок значению, уточняет способ реализации действия (см. также Udes 2011: 24). Например:

(13) Рассчитывая, что из закошенных двух порций уж хоть одна-то будет его, Шухов быстро принялся за свою кровную. Для того он колено правое подтянул к животу, из-под валеного голенища вытянул ложку «Усть-Ижма, 1944», шапку снял, поджал под левую мышку, а ложкою **обтронул** кашу с краев. (*Один день*)

(14) Иногда он **взморщивался**, перекашивался лицом, как от укола, брался за голову. (*Раковый корпус*)

Бесприставочные *тронуть* и *морщиться* ни в коей мере не нарушили бы смысла приведенных предложений. Однако для Солженицына принципиально, как совершается действие. Он стремится к максимальной точности словесного изображения, пытаясь визуализировать то, что описывает. Так, важно, что Шухов трогает кашу, делая круговые движения ложкой вдоль краев. Именно этот смысл и выражает в 13 приставка *об-*. Важно и то, что Ефрем, морщась, как бы собирает морщины кверху, что передается в 14 приставкой *вз-*. Солженицынские новообразования дают возможность автору в одном слове выразить смысл целого словосочетания, а порой и предложения, достигая таким образом эффекта сжатости, динамизма повествования и точности изображения.

б) бесприставочный глагол сохраняет лишь слабую первоначальную ассоциативную или прагматическую нагруженность, приставка обозначает само действие:

(15) Шухов проворно спрятался от Татарина за угол барака: второй раз попадешься – опять **пригребется**. (*Один день*)

Общее значение *пригрестись* в 15 восстанавливается на основе более широкого контекста и приставки *при-*, встраивающей окказионализм в ряд ему подобных узуальных глаголов, типа *пристать*, *прицепиться*, *привязаться*. Основа же здесь обозначает не само действие, а уточняет лишь способ его реализации, указывая на своеобразную походку Татарины вразвалочку, за-гребая ногами.

Нередко неологизм у Солженицына образует антонимическую пару к общепринятому глаголу. Так, в следующем примере *рассмеркиваться* '(рас)светать' представляет собой своеобразный антоним к *смеркаться*:

- (16) Уже **рассмеркивалось**. Догорал костер конвоя за вахтой. Они перед разводом всегда разжигают костер – чтобы греться и чтоб считать виднее. (*Один день*)

Вторичный имперфектив *рассмеркиваться* здесь не излишество: он необходим писателю в его показе беспросветности и извечной повторяемости событий лагерной жизни, где стирается контраст между днем и ночью, где нет просветов и не может быть рассвета, ведь свет всегда несет в себе нечто позитивное, надежду на изменение. Таким образом, *смеркаться* и *рассмеркиваться*, будучи антонимами, образованными от одного корня, создают образ замкнутого круга, где начало одновременно является и концом.

Интересны и случаи, когда приставка, создавая совершенно новый смысл, намекает на существование узуального однокоренного (приставочного) антонима, включая окказионализм таким образом в определенную деривационную парадигму:

- (17) Один глаз он закрыл в кривой пожимке, а одним смотрел. [...] Он **расщурился**. (*Раковый корпус*)
- (18) ... она уже **расщелкнула** большой черный ридиколь и вытянула оттуда три пятидесятки. (*Раковый корпус*)

Так, *расщуриться* или *расщелкнуть*, однозначно понятные читателю, который узнает в них узуальные *сощуриться* и *защелкнуть*, образованы с помощью

приставки *раз-*, входящей в антонимические пары продуктивных приставок *со-* – *раз-* и *за-* – *раз-*.

в) приставочный глагол сохраняет свою первоначальную семантику, а смена приставки придает новый оттенок значению, уточняет способ совершения действия. Приведем несколько примеров:

- (19) ... Шухов доспел валенки обуть на две портянки, бушлат надеть сверх телогрейки и туго **вспоясаться** веревочкой... (*Один день*)
- (20) ... она сжала губы в ниточку, и **схмурилась**, и лоб стянула... (*Раковый корпус*)
- (21) Надо было в один день отказаться от всего, что составляло жизнь [...] долго не зная, до конца она **домрет** или вернется к существованию. (*Раковый корпус*)

Общепринятые глаголы *опоясаться*, *нахмуриться* или *умереть* вполне могли бы заменить неузואальные солженицынские эквиваленты. Однако в 19 писателю не достаточно назвать действие ‘обвязать себя поясом’, ему важно визуализировать его. Приставка *вс-* помогает читателю представить направление движения вверх Шуховских рук, держащих концы веревки при затягивании узла на поясе. Стремление к визуальности видно и в примере 20, где автор пытается передать в слове то, что передать практически невозможно, а именно: направленность мимики лица, собирание всех мышц в одну точку, что поддерживается в контексте и другими глаголами с приставкой *с-*: *сжать*, *стянуть*. Узואальный *нахмуриться* выпал бы из этого ряда иной мотивированностью, что ослабило бы образ, расшатало бы его. То же желание усилить образ заставляет писателя употребить в 21 приставку *до-* в завершительном значении, подчеркнув тем самым доведение действия до последнего предела, которое в глаголе *умереть* выражено гораздо слабее.

К особому типу г) можно отнести те случаи, когда бесприставочный глагол вступает в сложное взаимодействие с приставочным глаголом, что порождает зачастую необычный эффект:

- (22) Сенька Клевшин – он тихий, бедолага. [...] В Бухенвальде чудом смерть **обминул**, теперь отбывает срок тихо. (*Один день*)

Солженицынский глагол *обминуть* в вышеприведенном примере, с одной стороны, построен на фонетическом сходстве глаголов *обмануть* и *минуть*, порождая новый смысл ‘миновать, обманув; спастись с помощью обмана’. С другой стороны, немаловажную роль в интерпретации играет и приставка *об-*, встраивающая окказионализм в словообразовательную модель “об- + глагол движения” со значением ‘обойти стороной’.

В примере 23 новообразование *стронуть* представляет собой взаимодействие бесприставочного глагола *тронуть*, указывающего на движение к объекту, с приставочным *снять*, выражающим идею удаления от объекта (движением вниз), что порождает антонимическое напряжение смыслов:

- (23) А тут ему в окошечко еще стопку мисок опорожненных суют. Он с тех нижних мисок руки **стронул**, стопку порожних назад передаст. (*Один день*)

Хотя в русском языке и существует глагол *стронуть* в значении ‘сдвинуть, заставить сойти с места’, думается, что здесь мы имеем дело скорее с омонимичными глаголами, один из которых является узуальным, а другой окказиональным, поскольку контексты употребления и ассоциации, с ними связанные, далеко отстоят друг от друга.

2 Ко второму типу у Солженицына можно отнести новообразования, представляющие собой результат сложного взаимодействия двух приставочных глаголов, при котором контекст и приставка как бы подразумевают определенный узуальный глагол, основа которого в действительности, однако, заменена другой, сочетающейся в узусе с иной приставкой и входящей в совершенно иную словообразовательную модель. При этом и приставка, и глагольная основа могут как обозначать действие, так и модифицировать его. Например, в глаголе *издобыть* в 24 именно *-добыть* несет основную смысловую нагрузку, называя действие, а приставка *из-* в значении ‘исчерпанности и

полноты проявления действия' уточняет способ его реализации, актуализируя при этом ассоциативную связь с такими глаголами, как *изловчиться*, *изошцриться*, *извернуться*, и включая окказионализм в новый смысловой ряд:

- (24) **Издобыть** на снегу на голом, чем окна те зашить, не было легко. (*Один день*)

В примере 25 распределение ролей совершенно иное:

- (25) Установку печи не оплатят, и обогревалку не оплатят: это для себя делали, не для производства. А в наряде что-то писать надо. Может, еще Цезарь бригадиру что в нарядах подмучает – уважителен к нему бригадир, зря бы не стал. (*Один день*)

Приставка *под-* в *подмучить* 'придумать с трудом, измучившись', намекая на полнозначный глагол *подписать* 'приписать', несет в себе, вместе с контекстом, основную информацию о действии, в то время как глагольная основа *-мучить* лишь указывает на способ его выполнения. Таким образом, распространенное мнение о том, что основа называет действие, а приставка его модифицирует, не всегда приложимо к словотворчеству Солженицына, где приставка обладает определенной автономностью, выполняя конституирующие функции.

Как правило, исходные глаголы относятся к одной понятийной сфере, что упрощает понимание авторских неологизмов. Здесь возможны следующие типы взаимодействия:

а) исходные глаголы находятся в синонимических отношениях:

- (26) И, походив так, останавливался именно у кровати Русанова, **переклонялся** к нему через спинку всей своей негнущейся верхней половиной... (*Раковый корпус*)

В примере 26 *переклоняться* есть результат наложения семантически близких *наклоняться/склоняться* и *перегнуть*. Однако при всем сходстве исходных глаголов автор чувствует тончайшую разницу в оттенках их значений, кото-

рую он и пытается запечатлеть в своем новообразовании. Ведь *гнуть* – это не просто ‘клоняюсь, опуститься книзу’, но и ‘изогнуть при этом спину’, а именно этого солженицынский герой сделать больше не может в силу окостенелости больного тела, не способного свободно двигаться. Таким образом, глагольная основа здесь обозначает действие, способ реализации которого уточняется приставкой. Интересно, что и выбор предлога, сочетающегося с окказиональным глаголом, обусловлен приставкой: *пере-* в значении ‘направление действия через что-либо’ требует предлога *через*.

Не всегда, однако, бывает легко ответить на вопрос, что называет действие, а что его модифицирует. Например:

- (27) Одинаково, что на кухне полы не стелены, что в столовой. Как землю **зоторили** ногами, так и осталась в буграх да в ямках. (*Один день*)

Так, *зоторить* образован слиянием сходных по смыслу глаголов *затоптать* (землю ногами) и *проторить* (дорожку). Причем остается сложным определить роль приставки и глагольной основы в создании цельного образа.

б) исходные глаголы находятся в антонимических отношениях. Например:

- (28) **Отпыхался** Шухов пока, оглянулся – а месяц-то, батюшка, нахмурился багрово, уж на небо весь вылез. (*Один день*),

где *отпыхаться* представляет собой контаминацию глаголов *запыхаться* и *отдышаться*, обозначающих противоположные действия и представляющих собой понятийные антонимы. И здесь, как и в выше приведенных примерах, приставка как бы формирует ситуацию, указывая на связь с каноническим *отдышаться*, в то время как основа окказионализма уточняет способ реализации действия.

в) исходные (однокоренные) глаголы находятся в деривационных отношениях:

- (29) Цезарь оборотился, руку протянул за кашей, на Шухова и не посмотрел, будто каша сама приехала по воздуху, – и за свое:

– Но слушайте, искусство – это не что, а как.

Подхватился Х-123 и ребром ладони по столу, по столу:

– Нет уж, к чертовой матери ваше “как”, если оно добрых чувств во мне не пробудит! (*Один день*)

В приведенном примере *подхватиться* представляет собой наложение смыслов однокоренных *схватиться* ‘сцепиться, начиная борьбу’ и *подхватить* ‘поддержать, продолжить начатое’. Несмотря на то, что русскому языку известен просторечный глагол *подхватиться* ‘быстро собраться и отправиться’, думается, что здесь все-таки имеет место создание нового, омонимичного глагола, а не расширение семантики прежнего, поскольку значения неологизма и узуального глагола, контексты их употребления и ассоциации, с ними связанные, далеко отстоят друг от друга.

г) исходные глаголы входят в состав устойчивых оборотов. Например:

- (30) Так что пусть завидует, кому в чужих руках всегда редька толще, а Шухов понимает жизнь и на чужое добро брюха не **распяливает**. (*Один день*)

В 30 сочетание *распяливать брюхо* восходит к фразеологизмам *пялить глаза* и *раззевать рот*, совмеща в себе идею фиксации внимания на чем-либо и неоправданной претензии на что-либо.

Не всегда, однако, исходные глаголы принадлежат к одной и той же понятийной сфере. Так, окказионализм *прокликаться* в примере 31 мотивирован совершенно различными действиями: движения (*продвигаться/пробираться*) и говорения (*перекликаться*):

- (31) **Прокликаясь** через тесноту, от каждой бригады работяги по два, по три носили на деревянных подносах миски с баландой и кашей и искали для них места на столах. (*Один день*)

3 К третьей группе солженицынских глагольных новообразований относятся слова, возникшие в результате взаимодействия именной основы и приставки. Например:

- (32) И не проверяя и не пересчитывая, потому что никто у Тюринина никуда уйти не мог, он быстро стал **разнаряжать**. Эстонцев двоих да Клевшина с Гопчиком послал большой растворный ящик неподалеку взять и нести на ТЭЦ. (*Один день*)
- (33) Деревья только чуть **отзеленивали** от серого: был тот момент, когда зеленый цвет уже не отсутствует в дереве, но серого еще гораздо больше. (*Раковый кортус*)

Как правило, подобные окказиональные находки автора можно заменить вполне каноническими словосочетаниями существительного или наречия с приставочным глаголом, от которого заимствуется приставка, благодаря чему получившийся неологизм легко встраивается в существующую словообразовательную модель. Так, *разнаряжать* есть не что иное как ‘распределять наряды’,¹² а *отзеленивать* – ‘отсвечивать/отдавать зеленым’. Однако использование подобных новообразований, а не обычных словосочетаний, оправдывается всей авторской поэтикой, его стремлением к созданию сжатого, динамичного, максимально емкого образа, поиском единственно верного слова, отражающего всю суть ситуации.

4 Если в первых трех группах взаимодействие глагольной или именной основы с приставкой является для читателя вполне достаточным условием правильной интерпретации ситуации, то глагольные окказионализмы четвертой группы проясняются только в более широком контексте, мотивирующем выбор приставки:

- (34) **Улупил** помощник бригадира 32-й и еще с ним парень один – туда, к авторемонтным, искать. (*Один день*)

Так, глагол *улупить* не имеет ничего общего с однокоренным *лупить* ‘сильно хлестать’ или ‘очищать от коры’. Значение ‘быстро убежать’ восстанавливает-

ся здесь по приставке, входящей в словообразовательную модель “у- + глагол движения”, и контексту.

Роль взаимодействия приставки и контекста становится особенно заметной в случаях вымышленных корней. Ср.:

(35) И все услышали окрики кавторанга в дверях, как с капитанского мостика: – Чего столпились? Поели – и выходи! Дай другим!
Повар **пробуркотел** еще, выпрямился, и опять в окошке появились его руки. (*Один день*)

(36) Надзирателю, бригадиру, – а придурку посылочному как не дать? Да он другой раз твою посылку так **затурсует**, ее неделю в списках не будет. (*Один день*)

Ни *пробуркотеть*, ни *затурсовать* не известны в нормативном русском языке. Однако весь контекст, выбор приставки и отдаленная звуковая связь с полнозначными глаголами *пробурчать*, а также *затырить* ‘спрятать’, *затуричь* ‘угнать’ или *тусануть* ‘нелегально передать что-либо’ помогают быстрее и полнее понять смысл описываемого.

Иногда новый глагол возникает в результате наложения двух корневых морфем в сочетании с приставкой, что, безусловно, обогащает смысл, вызывая у читателя двойной ряд ассоциаций:

(37) Пять, положим, не пять, а четыре только: из пяти дней один **захалтыривает** начальство, катит на гарантийке весь лагерь вровень, и лучших и худших. Вроде не обидно никому, всем ведь поровну, а экономят на нашем брюхе. (*Один день*)

Так, *захалтыривать*, осложненный подвижной границей между корневыми морфемами, возможной меной фонем в корнях, приставкой *за-* со значением ‘завершенность действия’ и вторичной имперфективацией, представляет собой сплав двух исходных глаголов: *халтурить* ‘работать крайне плохо, спустя рукава’ и *тырить* ‘красть, воровать’.¹³

Ту же подвижность границы между различными морфемами мы видим и

в примерах с глаголом *сумутиться*, который совмещает в себе значения кодифицированных *суетиться*, *смутиться*, *мутить* ‘вносить смуту’, а также просторечных *сумятиться* ‘делать ненужные движения, суетиться’ и *суматошничать* ‘разводить суматоху’:

(38) а С каким-то этапом новый доктор появился – Степан Григорьич, гонкий такой да звонкий, сам **сумутится**, и больным нет покою...
(*Один день*)

(38) б Конвой **сумутится**, толкует по дощечкам счетным. Не хватает! (*Один день*)

Однако, как уже отмечалось, использование глаголов-пустышек, а тем более вымышленных основ не характерно для Солженицына. Его поэтика словесного сгущения направлена на создание точного и емкого образа, визуализирующего действие, снимающего всякую возможность множественной интерпретации, а это как раз и противоречит самой природе опустошенных или вымышленных глаголов, значение которых угадывается через более широкий контекст.

Установка на сжатость формы и динамизм повествования заставляет Солженицына отказаться и от префиксальных поисков-повторов, т.е. нанизывания разных глаголов с одной и той же приставкой для нагнетания смыслов. В этом плане случаи, подобные 39, скорее относятся к исключениям:

(39) Ахали, охали, совещались... Все ж прикрыли меня плащами на третьей полке. Тогда кондуктора с гепеушниками ходили. Не о билете шло – о шкуре. До Новосибирска **дотаили**, довели... (*Один день*),

где *довезти* поясняет вполне прозрачный смысл *дотаить* – ‘сохранить в тайне до конца’. Также крайне редкими являются и случаи корневых повторов:¹⁴

(40) – Эх, буранов давно нет! – **вздыхнул** краснолицый латыш Кильгас.
– За всю зиму – ни бурана! Что за зима?!
– Да... буранов... буранов... – **перевздыхнула** бригада. (*Один день*),

(41) Павлу Николаевичу стало трудно **дышать**, хотя, кажется, уж он **обдышался** в палате. (*Раковый корпус*),

где приставочные *перевздохнуть* и *обдышаться* (дистрибутивная *пере-* в сочтении с актантом *бригада* указывает на поочередность и полный охват действием всех субъектов, а *об-* и весь контекст явно предполагают действие ‘обжиться’) как бы вторят ранее употребленным в контексте глаголам *вздохнуть* и *дышать*, создавая некий эхо-эффект.

Как видим, солженицынские глагольные окказионализмы есть результат сложного взаимодействия между приставкой и глагольной основой, поочередно выполняющими то роль сигнификата действия, то его модификатора. У писателя есть любимые приставки и любимые значения, к которым он часто прибегает для создания новых смыслов. Приведем их:

до-: ‘доведение действия до логического предела’ (*довернуться* ‘полностью развернуться’, *дохрястывать* ‘раскрошиться до конца’);

за-: ‘начало действия’ (*задрагивать* ‘начать иногда дрожать’, *зарьяться* ‘рьяно взяться за дело’) и ‘доведение действия до конца’ (*застоять* ‘защитить’, *заторопить* ‘запутать кого-либо, подгоняя’);

о-/об-: ‘полный охват’ (*овеселять* ‘делать веселым’, *обтронуть* ‘потрогать со всех сторон’);

от-: ‘завершение выполнения действия’ (*отдыхаться* ‘отдышаться’) и ‘движение назад’ (*оттрагивать* ‘отходить назад’);

под-: ‘слабая интенсивность протекания действия’ (*подмучить* ‘приписать, вымучив’);

пере-: ‘движение через что-либо’ (*переклониться* ‘наклониться через что-то, не сгибаясь’), ‘взаимность действия’ (*переталкиваться* ‘толкаться из одной стороны в другую’) и ‘поочередное распространение действия на ряд объектов’ (*перевздохнуть* ‘вздохнуть по очереди’);

раз-: ‘ликвидация действия’ (*рассмеркиваться* ‘рассветать’) и ‘распределение по частям’ (*разнаряжать* ‘распределять наряды’, *расставиться* ‘занять позиции’);

с-: ‘движение сверху вниз’ (*стронуть* ‘отнять руки’, *стягнуть* ‘стащить, стянуть’);

у-: ‘доведение до (не)желательного состояния’ (*ущипать* ‘украсть, отщипывая по кусочку’, *урекаться* ‘зарекаться’) и ‘движение в сторону от чего-либо’ (*улюпить* ‘убежать’).

В отборе приставок Солженицына опирается на свое языковое чутье, безошибочно следуя при этом общеязыковым тенденциям. И поэтому вполне закономерно, что его излюбленные приставки и значения отличаются в современном русском языке высокой продуктивностью.¹⁵

5 Запечатление “неизвестной” мысли в слове

Словотворчество Солженицына носит прежде всего компрессивно-номинативный характер. Автор не стремится к одной лишь экспрессии. Новое слово должно обозначить некий фрагмент действительности, точно передать смысл, визуализировать действие, которое в силу природы печатного текста мы можем только прочитать, а не увидеть. Абсолютная свежесть солженицынского слова создает уникальность речевой ситуации, предельную конкретность, визуальность, которую в такой мере не способно выразить обычное слово как единица языка, ибо в языке есть только общее.

Все неузуальные слова Солженицына следуют словообразовательным законам и тенденциям русского языка, ищут опору в аналогии, и поэтому они прозрачны и по строению, и по значению, ведь задача писателя не затуманить смысл, а прояснить его, насытить конкретным. Отсутствие в неологизмах резкой ненормативности ведет к тому, что они органически вписываются в текст, лишь своей когнитивно-образной сгущенностью выделяясь из общего потока каноничной лексики. Именно поэтому у писателя бывает сложно провести границу между индивидуальными словообразованиями и существующими, но малоупотребительными словами. Так, довольно необычны для современного читателя *знахалиться* ‘стать нахалом’, *ущербнуть* ‘нанести ущерб’ или *оклычиться* ‘оскалиться, показывая клыки’, которые воспринимаются как явные окказионализмы, но известны по словарям Даля и Ушакова. А такие индивидуальные находки Солженицына, как *чушкаться* ‘медлить,

копаться' или *сумутиться* 'суетиться не по делу', воспринимаются как просторечные или диалектные слова. Может быть, именно эта невыявленность, стертость границы между своим и чужим, и удерживает многих исследователей по словообразованию от включения в свои работы примеров из солженицынской прозы.

Еще более тонкой является грань между потенциальными и явно окказиональными словами. Так, по данным интернета, образованные по довольно продуктивным моделям глаголы *дотемнеть* 'совсем стемнеть', *оттрагивать* 'поддаться назад', *застыжливаться* 'начинать стыдиться' можно явно отнести к солженицынским неологизмам, в то время как не упоминаемые еще в словарях *отненавидеть* 'перестать ненавидеть', *урекаться* 'зарекаться', *изморять* 'мучить, морить' или *домереть* 'окончательно умереть' перешагнули грань окказиональности, и точное авторство их определить уже не возможно.¹⁶

В своем словотворчестве писатель идет двумя путями. С одной стороны, он создает новые значения, помещая существующие глаголы в непривычные, неожиданные контексты и актуализируя тем самым внутреннюю форму слова и смыслы отдельных частей. С другой стороны, следуя определенным словообразовательным моделям, из высоко употребительных морфем автор творит новые глаголы, которые в свою очередь либо служат для создания аспектуальной парности, отсутствующей в стандартном языке, либо заполняют пробелы словообразовательных парадигм, либо рождают нетривиальные, новые смыслы.

Солженицынские неологизмы незаменимы. Стоит только попытаться вместо них вставить обычные слова, как немедленно обнаружится, что множество семантических и стилистических оттенков исчезло невозвратно (см. также Спиваковский 1998: 91). Как правило, эти оттенки налагаются на более общие, глубинные, первичные представления о действии и его реализации. Так, повторяемость у Солженицына противопоставляется однократности, начинательность – доведению действия до предела, собирание в одно целое и охват – разъятию, а движение к цели – движению от цели. Авторские глагольные окказионализмы есть результат соположения и наложения друг

на друга в одном акте номинации двух конкретных действий, которые угадываются, прочитываются, восстанавливаются по взаимодействию между приставкой, глагольной основой и контекстом. В своей работе над словом Солженицын, как правило, оперирует глаголами одной смысловой сферы, но относящимися к различным словообразовательным моделям, будь то синонимы, или антонимы. Контаминация глагольных основ, принадлежащих к разным понятийным рядам, для писателя является скорее исключением. Также не характерно для него и использование глаголов-джокеров, вымышленных корней или поисков-повторов. Точность изображаемого в сжатом, сконцентрированном виде, емкость образов, сгущенная поэтика смыслов нацелены на создание слова ради текста, а не текста ради игры слов.

Стремясь в своем творчестве к предельной ясности и динамизму повествования, Солженицын апеллирует к знанию читателем “действительной жизни”. В этом он принципиально отличается от таких новаторов слова, как Маяковский, Хлебников, Цветаева. Солженицынское просторечие отличается от цветаевской ‘фольклорности’, его прозрачность и сгущенность смыслов далеки от хлебниковского “улавливания мерцания фона”, по выражению Земской (2009: 185), а стремление к компрессивной номинативности имеет мало общего с экспрессивностью и словесной игрой Маяковского.

В заключение отметим, что словотворчество Солженицына очень важно для анализа не только индивидуальных, но и общезыковых словообразовательных механизмов, а также понимания глубинных возможностей и потенциалов русского языка, поскольку оно является результатом аналитической проработки не только всех существующих словарей и лучших образцов отечественной литературы, но и всего того, что “подслушал” писатель в разных местах “из коренной струи языка”.

Амстердамский университет

Примечания

- 1 Так, в таких фундаментальных работах по словообразованию, как Земская (2009) или Кронгауз (1998), не встречено ни одного примера из Солженицына.
- 2 В этой связи особое место занимает дипломная работа Ришарда Удеса (Udes 2011), который, насколько мне известно, первым попытался всесторонне проанализировать механизмы

образования окказиональных глаголов Солженицына в его повести *Один день Ивана Денисовича*.

3 В своей единственной статье, напечатанной в Советском Союзе, Солженицын пишет:

Словарный запас неуклонно тощал; ленились выскивать и привлекать достойные русские слова, или стыдились их “грубости”, или корили их за неспособность выразить современную высокую тонкую мысль...

Кто скажет *убывь* (действие по глаголу), *нагромоodka*? Обязательно: *убывание, нагромождение*. Кто напишет *для сохрону*? Нам подай *для сохранения*. [...]

И избыток отвлеченных существительных – это тоже не наше, надо искать, как содержать их во фразе поменьше.

Оставалась втуне и чисто русская свобода образования наречий, в которых таится главный задаток краткости нашего языка. [...]

Мало использовалось преобразование глаголов приставками, почти от каждого застыло лишь несколько главных форм, и нас теперь поражает такое простое сочетание, как: *он остегнулся* (нам понятнее: он застегнулся, попадая петлями на несоответствующие пуговицы). Мы усвоили, что можно *на-клонить, от-клонить, при-клонить*, но нас почему-то удивляет *рас-клонить* (ветви); приняв *уклониться*, мы чураемся *уклонить* (кого, что) (Солженицын 1965).

4 В анализ механизмов глагольного словообразования Солженицына включены ранняя повесть *Один день Ивана Денисовича* (1956) и более поздний роман *Раковый корпус* (1967), которые в полной мере отражают специфику творческой манеры и языка писателя. Выводы, сделанные в данной статье касательно словообразовательных механизмов, вполне применимы и к другим произведениям автора.

5 Поскольку для механизмов словопроизводства статус новообразования не важен, здесь и далее по тексту мы не делаем более разграничений между словами потенциальными и окказиональными.

6 Если в первом случае мы имеем дело главным образом с суффиксальным способом, то во втором – с префиксальным способом словообразования.

7 Примеры из *Один день Ивана Денисовича* приводятся по дипломной работе Ришарда Удеса (Udes 2011).

8 Значения узальных глаголов приводятся по Ожегов и Шведова (1993).

9 В примерах сохраняется авторская орфография и пунктуация.

10 В данной статье не рассматривается связь префиксации и перфективации.

11 Под словообразовательной моделью здесь понимается “ряд приставочных глаголов вместе с его семантическими (структура толкования), синтаксическими (сочетаемость ограничения) и какими-либо иными свойствами, а также семантико-прагматическими признаками глагольных основ и контекстов, сочетающимися с данной структурой толкования” (Кронгауз 1998: 257).

12 Данный глагол надо отличать от просторечного глагола *разнаряжать* с окончательным ударением в значении ‘одевать во все лучшее, украшать’.

13 Интересно отметить, что в *Раковом корпусе* новообразований с вымышленными корнями не найдено.

14 В этом Солженицын резко отличается, например, от Цветаевой, которая также часто прибегала к словотворчеству в своей поэзии. О механизмах словообразования у Цветаевой см. Зубова (1989).

15 См. далее о продуктивности приставок в русском языке в Земская (2009: 83).

СЛОВОТВОРЧЕСТВО СОЛЖЕНИЦЫНА

16 По данным интернета, *дотемнеть* встретилось 7 раз, *оттрагивать* – 5, *застыживать* – 5, включая и цитаты из Солженицына. В то же время *отненавидеть* отмечено 245, *урекаться* – 219, *изморять* – 150 и *домереть* – 111 раз.

Литература

- Балдаев, Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. 1992. *Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. Москва.
- Винокур, Т.Г. 1965. 'О языке и стиле повести А.И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича".' *Вопросы культуры речи*, 6, 16-32.
- Горовая И.Г. 2009. *Авторские окказионализмы в романе А.И. Солженицына "Красное колесо" / "Август четырнадцатого" (на материале сложных прилагательных)*. Автореферат канд. филол. наук. С-Петербург.
- Даль, В.И., 1991. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва.
- Земская, Е.А. 2000. *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*. Москва.
- Земская, Е.А. 2009. *Словообразование как деятельность*. Москва.
- Зубова, Л.В. 1989. *Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект*. Ленинград.
- Кронгауз, М.А. 1998. *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва.
- Миськевич, Г.И. 1977. 'К вопросу о норме в словообразовании.' *Грамматика и норма*, 42-83. Москва.
- Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. 1993. *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- Подгаевская, А.В. 2008. *Концептуализация пространства и ее отражение в русском языке*. ROES, 10. Amsterdam.
- Ремчукова, Е.Н. 2004. *Морфология современного русского языка. Категория вида глагола*. Москва.
- Ржевский, Л.Д. 1969. 'Творческое слово у Солженицына.' *Новый журнал*. Нью-Йорк, 96, 76-90.
- Семенова, Г.П. 1996. 'О языке произведений А.И. Солженицына.' *Русская речь*, 3, 19-28.
- Солженицын, А.И. 1965. 'Не обычай дегтем щи белить, на то – сметана.' *Литературная газета*, 4.11.
- Солженицын, А.И. 1997. *Один день Ивана Денисовича*. Москва.
- Солженицын, А.И. 2007. *Русский словарь языкового расширения*. Москва.
- Солженицын, А.И. 2009. *Раковый корпус*. Москва.
- Спиваковский, П.Е. 1998. *Феномен А.И. Солженицына: новый взгляд*. Москва.
- Чалмаев, В.А. 1994. *Александр Солженицын: Жизнь и творчество*. Москва.
- Шатуновский, И.Б. 2009. *Проблемы русского глагола*. Москва.
- Якобсон, Р. 1987. *Работы по поэтике*. Москва.
- Carpovich, V.V. 1976. *Solzhenitsyn's peculiar vocabulary. Russian-English Glossary*. [PhD thesis.] New York.
- Comrie, B., Stone, G., & Polinsky, M. 1996. *The Russian language in the 20th century*. Oxford.
- Udes, R. 2011. *De woordvorming van A.I. Solzhenitsyn*. BA-scriptie. Universiteit van Amsterdam. Amsterdam.

Publications and Presentations

Books and Language courses

Podgaevskaja, A., Bron, J. & L...

Podgaevskaja, A., T. Langerak

Podgaevskaja, A., L. Poddoub...

Podgaevskaja, A. 2010. *Paspok*

Podgaevskaja, A.V. 2008. *Konc*

Podgaevskaja, A., L. Poddoub...

Podgaevskaja, A., Honselaar, W

Podgaevskaja, A. 2003, 2005. /

Honselaar, W. 2000. *Groot Rus*

Louwerse, N. et al. 1996. *Paspok*

Articles

2012. 'Otkaz ot bezlikix slov: sk

2012: 'A case against case. Acq

2012. 'K voprosu o jazykovoj int

2012. 'Strategii ponimaniya prostogo predlozheniya russkojazyčnymi i russko-niderlandskimi det'mi v vozzraste 6-9 let'. In T.A. Krugljakova (et al.) (eds.) *Problemy ontolingvistiki – 2012*. S.-Petersburg. 560-565.(see PDF)

2012. '... and I stayed behind on my old village.' Competition of the prepositions *in* and *on* in Old Russian' (pp. 15). (forthcoming)

2012. 'Relevance of the case cue and comprehension strategies in bilingual Dutch-Russian children' (pp. 30). (revised, together with B. Janssen)

2010. 'Problemy dvujazyčijai celostnaja koncepcija prepodavaniya russkogo jazyka kak vtorogo rodnoho'. In M.L. Remnjova, A.A. Polikarpov (eds.) *Russian Language: its Historical Destiny and Present State. Proceedings and materials*. Moscow. 619-620.

2009. 'Učebnik po russkomu jazyku dlja detej-bilingvov: jazykovaja koncepcija iprogramma obučenija russkomu jazyku kak vtoromu rodnomu'. *Russkij jazyk za rubežom*, 6. 95-101.(see PDF)

2008. 'Problemy osvoenija russkogo jazyka kak vtorogo rodnoho det'mi 5-7 let i sozdanie adekvatnogo učebnogo posobija'. In E. de Haard, W. Honselaar & J. Stelleman (eds.) *Literature and Beyond. Festschrift for Willem G. Weststeijn*. [POES 11/2]. Amsterdam. 609-627.(see PDF)

2007. 'Variativnost' v vybore predlogov vi na pri lokal'nyx ob'ektax v pamjatnikax delovoi bytovoj pis'mennosti 14 – 17 vekov'. In M.L. Remnjova, A.A. Polikarpov (eds.) *Russian Language: its Historical Destiny and Present State. Proceedings and materials*. Moscow. 289-290.

2003. 'Problemy rasxoždenij v prostranstvennoj konceptualizacii fizičeskix lokal'nyx ob'ektov v sovremenom russkom literaturnom jazyke i nekotoryx russkix dialektax'. *Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists (SSGL 30)*. Amsterdam – New York: Rodopi. 289-330.(see PDF)

Bewerk paragraaf ✕

2003. 'Kategorija vremena i naivnaja kartina mira (na materiale rusckogo i gollandsckogo jazykov)'. In W. Honselaar, E. de Haard & W. Weststeijn (eds.) *Time flies . Festschrift for William Veder*. [POES2]. Amsterdam. 267-292.

2003. 'Razgovory na kuxne ... o kuxne'. In W.Honselaar, E. de Haard & W. Weststeijn (eds.) *Diehet kleine eert, is het grote weerd*. Festschrift voor Adrie Barentsen. [POES 1]. Amsterdam. 267-282.

2003. 'Bol'soj ruscko-gollandskij slovar' – novyj etap v sozdanii dvujazyčnyx slovarj'. *Rusckij tekst i rusckij diskurs segodnja*. *Proceedings of the Tenth Congress of MAPRYAL* . 626-633.

2001. 'Problemy obratnoj konceptualizacii lokal'nyx ob'ektov v rusckom literaturnom jazyke i ego dialektax '. In M.L. Remnjova, A.A. Polikarpov (eds.) *Russian Language: its Historical Destiny and Present State*. *Proceedings and materials*. Moscow . 111-112.

Presentations

2012. K voprosu o jazykovej interferencii: usvoeniepozicionnyx glagolov ruscko-niderlandskimi det'mi'. 24-26 April, S.-Petersburg, Russia. (see PP)

2012. On Russian morphology in bilingual children of 6-7 years old. 'Discourse BiSLI'. 30 January, Utrecht, the Netherlands. (see PP)

2010. Experimenteel onderzoek naar de relevantie van naamvalvoor Nederlands-Russische kinderen. (together with B. Janssen), Slavistendagen. 15 September, Leuven, België. (see PP)

2009. Specific features of Slavic space: conceptualization and interpretation. ACLC, UvA, 15 May, Amsterdam, the Netherlands. (see PP)

2009. Een nieuwe taalcursus voor tweetalige kinderen. Studiedag van Levende Talen. 27 September, Amsterdam, Nederland.

2009. Učebnik po rusckomu jazykudlja detej-bilingvov. Jazykovaja koncepcija i programma obučenija. 2e Congres of the Euroloog. 5 March, London, Great Britain.

2009. Toetsen Spreekvaardigheid. Conference 'Proeve. UvA digitaal toetsen' (together with N. Danshina). January, Amsterdam, Nederland.

2008. Taalontwikkeling en taalcompetenties van tweetalige (Nederlands-Russische) kinderen in de leeftijd van 5-7jaar. Slavistendagen. April, Gent, België. (see PP)

2007. Sociolinguističeskij i rečevojportrety dvujazyčnogo rebenka. Metodičeskie podxody v prepodavanii rusckogo jazyka kak vtorogo. Conference of teachers in Russian language and literature. 4 December, Aalsmeer, Nederland. (see PP)

2007. Variativnost' v vybore predlogov V i NApri lokal'nyx ob'ektax v pamjatnikax delovoj i bytovoj pis'mennosti XIV – XVII vv. 3 e Internationale Congres "Russian Language: its Historical Destiny and Present State". 23 March, Moscow, Russia.

2006. Ruimtelijke conceptualisering van fysieke locaties in het Oud-Russisch . Slavistendagen , 16 June, Leiden, Nederland.

2004. Rusland zonder grenzen: een nieuwe taalcursus voor gevorderden. Studiedag van Levende Talen. Mei, Leiden, Nederland.

2003. Bol'soj ruscko-gollandskij slovar' – novyj etap v sozdanii dvujazyčnyx slovarj (together with W. Honselaar). 10 e Congres van MAPRYAL. 30 June, S.-Petersburg, Russia.

2002. Conceptualisering van ruimtelijke locaties in het standaard Russisch en Russische dialecten. Slavic Circle, UvA. 7 March, Amsterdam, Nederland.

2002. Het averechtse gebruik van de ruimtelijke preposities V (IN) en NA (OP) in combinatie met concrete fysieke locaties in het Russisch. ACLC, UvA, 14 April, Amsterdam, Nederland.

2001. Problemy obratnoj konceptualizacii lokal'nyx ob'ektov v rusckom literaturnom jazyke i ego dialektax. 1 e Internationale Congres "Russian Language: its Historical Destiny and Present State". 13-16 March, Moscow, Russia.

2000. The Spatial Conceptualization of locations in modern standard Russian and its Dialects. The 1 st conference of the International Slavic Cognitive Linguistics Association. 3-4 November, North Carolina, VS.

Workshops and seminars

2009-2010. Seminar 'Talen in Contact, Talen in Conflict'. Taal- en letterkunde, UvA.

2009. Miniworkshop 'Talen teken: Demeertalige stad'. Illustere School, UvA. March.

2007. Miniworkshop 'Naar de universiteit op z'n Russisch'. De UvA nacht van de wetenschap, UvA. June.

2005. Miniseminar 'Taalverwerving Russisch'. Proefstuden Taal- en Letterkunde, UvA. 7 April.

2003 – 2006: lectures on Russian history at the Keizer Karel College at Amstelveen.

2001. Workshop 'Aspect van het werkwoord in het Russisch', studiedag van Levende Talen. Maart, Amersfoort, Nederland.

2000. Workshop 'Aspect van het werkwoord in het Russisch', studiedag van Levende Talen. November, Utrecht, Nederland.

Texts of publications / PP presentations

Solzhenicyn-otkaz ot bezlikix slov

Pozicionnye glagoly

A Case against Case

Strategii ponimanija predlozhenija

Russkij jazyk za rubezhom

Russkij jazyk kak vtoroj

Bilingual child (PP)

Bilingual morphology (PP)

Pozicionnye glagoly (PP)

Relevantie van de naamval (PP)

Ruimtelijke conceptualisering in Oud Russisch (PP)

Space in Slavic Languages (PP)

Taalontwikkeling en taalcompetenties van een Nederlands-Russisch kind (PP)

Bewerk pagina-instellingen

Toevoegen bestanden en afbeeldingen

